

Observatoire ARGA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

D-06. Дипломатические гарантии

в экстрадиционных производствах 2022–2026

Автор:

Сергей Храбрых - президент ARGА, PhD

Организация: Observatoire ARGА

Адрес для корреспонденции: 21 rue de l'Aviation, 64600 Anglet, France

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org

23 сентября 2026 года

Содержание

1. Резюме и основные выводы	3
2. Исследовательский вопрос и методология	4
3. Правовая основа: риск нельзя уравновесить обещанием	5
4. Критерии Othman и их применение в новой практике	6
5. Liu v. Poland: почему общие заверения не сработали	6
6. Kim: уточнение места содержания и частоты посещений	7
7. Kim в Комитете ООН: значение последующей проверки	8
8. Liu и Kim: сравнение без ложного противоречия	9
9. Assange 2024: пределы ранее полученных обещаний	10
10. Chappell и Wright 2025: почему важна версия гарантии	11
11. Мониторинг: доступ, содержание и возможность реагирования	12
12. Разные риски требуют разных обязательств	13
13. Поздние уточнения и процессуальные гарантии защиты	14
14. Исполнение после передачи и пределы доступных данных	14
15. Материалы 2026 года и границы актуальности	15
16. Контраргументы и альтернативные объяснения	16
17. Практическая модель проверки и рекомендации	17
18. Заключение	18
19. Источники и справочный аппарат	19

Срез источников: 23 сентября 2026 года. Ключевые слова: экстрадиция; дипломатические гарантии; запрет пыток; реальный риск; смертная казнь; мониторинг; процессуальные гарантии.

1. Резюме и основные выводы

Дипломатическая гарантия не отменяет запрет выдачи при сохраняющемся реальном риске пыток или обращения, несовместимого со статьёй 3 Европейской конвенции о правах человека. Её правовое значение состоит в другом: компетентный орган проверяет, меняет ли конкретное обязательство условия предполагаемой передачи настолько, что соответствующий риск больше не подтверждается. Поэтому вопрос о достаточности гарантии нельзя решить ни по наличию дипломатической ноты, ни по общей характеристике государства. Нужна оценка содержания, полномочий гаранта, практической выполнимости и индивидуальных обстоятельств. [1, 2, 3]

В проверенной практике имеются существенно разные результаты. В *Liu v. Poland* Европейский суд по правам человека признал, что предполагаемая выдача в Китай нарушила бы статью 3: полученные неформальные заверения не обеспечивали достаточной защиты. В *Minister of Justice v. Kim* Верховный суд Новой Зеландии, напротив, принял дополнительные обязательства о месте содержания и частоте посещений и восстановил решение министра о передаче. Последующее рассмотрение *Kim* Комитетом ООН по правам человека не выявило нарушения статьи 7 Пакта, хотя по отдельному периоду содержания в Новой Зеландии было установлено нарушение статьи 9(1). Эти исходы нельзя свести к единому утверждению о допустимости или недопустимости выдачи в определённую страну. [4, 5, 6]

Британские материалы показывают, почему необходимо различать версии гарантий и процессуальные стадии. Решение по *Assange* от 26 марта 2024 года выявило вопросы, которые могли быть устранены дополнительными заверениями, и отложило решение о разрешении на обжалование по части оснований. Это не было окончательным запретом экстрадиции. В *Japan v. Chappell and Wright* от 29 января 2025 года суд оценивал уже уточнённые обязательства, включая гарантии, которых не было перед нижестоящим судьёй. Апелляция была удовлетворена, в том числе вследствие признания защиты по статьям 3 и 6 достаточной. [3, 7]

Исследование выделяет четыре связанных условия убедительности: гарантия отвечает именно установленному риску; её даёт орган, способный обеспечить соответствующее поведение; условия исполнения достаточно определённы; предполагаемое соблюдение может быть проверено с учётом доступных средств контроля. Это авторская систематизация судебных критериев, а не новый обязательный тест или система начисления баллов. Отсутствие одного элемента не всегда механически предрешает исход; одновременно несколько общих обещаний не компенсируют неустранимый риск по существу.

Период 2022-2026 означает целевой обзор решений и актуальный срез на 23 сентября 2026 года. В основную сравнительную выборку вошли проверенные решения 2022-2025 годов; материалы 2026 года используются как официальный обзор практики и институциональный контекст. Доклад не заявляет полноты всех производств за каждый год и не измеряет частоту принятия гарантий. Судебное признание достаточности также не доказывает их последующего исполнения. Ни статистика успешности, ни клиентская практика ARGА в исследовании не заявляются. [10, 11]

2. Исследовательский вопрос и методология

Основной вопрос доклада: когда конкретная дипломатическая гарантия позволяет признать риск устранённым и когда её содержание или условия исполнения оставляют препятствие для экстрадиции? Предметом является не дипломатическая переписка вообще, а обещание относительно обращения с определённым человеком после передачи. Рассматриваются защита от пыток и ненадлежащих условий содержания, отдельные процессуальные гарантии, смертная казнь и разграничение с вопросом пожизненного лишения свободы. Требования по убежищу, политической мотивации и двойной наказуемости не подменяются анализом гарантий.

Выборка сформирована целевым способом. Включены материалы, позволяющие сопоставить противоположные исходы, уточнение обещания во времени и проверку национального решения международным органом. Основные единицы анализа - Liu, Kim, Assange и Chappell/Wright. Рассмотрение Kim Верховным судом и Комитетом ООН представляет две стадии одного фактического дела, а не два независимых подтверждения общей эффективности гарантий. Сводная статистика по столь небольшой и неоднородной выборке не рассчитывается.

Для каждого дела разделяются пять компонентов: обстоятельства и предполагаемый риск; позиция запрашивающего государства; содержание обещания в доступном первичном документе; мотивировка органа проверки; процессуальный результат. Судебный пересказ национальной практики обозначается именно как содержание решения, а не как самостоятельный страновой мониторинг ARGGA. Утверждение стороны не становится установленным фактом лишь потому, что оно воспроизведено в судебном тексте. Аналогично, авторское объяснение сравнительных различий не выдаётся за вывод соответствующего суда.

Первичные судебные документы имеют приоритет перед сообщениями прессы и комментариями юридических фирм. Официальные руководства используются для узких вспомогательных положений с обозначением их статуса. Если полный текст не удалось получить, дело не включается в самостоятельный подробный разбор. Эта граница особенно важна для громких процессов, где публичное выражение «победа в суде» может означать только разрешение подать апелляцию. В докладе отсутствует реконструкция закрытых нот или содержания неназванных документов.

Для конкретного производства требуется отдельная проверка действующих национальных правил и фактов на момент решения.

3. Правовая основа: риск нельзя уравновесить обещанием

Статья 3 ЕКПЧ запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение либо наказание. В экстрадиционном контексте проверяется, имеются ли существенные основания полагать, что человек столкнётся с реальным риском такого обращения в принимающем государстве. Запрет не допускает выдачи на том основании, что обвинение достаточно тяжёлое, а риск представляется политически приемлемым. Сначала требуется установить, остаётся ли риск после оценки конкретных условий, включая гарантии; только отсутствие соответствующего препятствия позволяет продолжить анализ остальных условий выдачи. [1, 3]

Статья 3 Конвенции ООН против пыток прямо охватывает высылку, возвращение и экстрадицию при наличии существенных оснований опасаться пыток. В замечании общего порядка № 4 Комитет против пыток подчёркивает абсолютный характер *non-refoulement* и характеризует риск как предсказуемый, личный, существующий в настоящее время и реальный. Пункт 20 предупреждает, что дипломатические гарантии не должны использоваться для обхода запрета. Это толкование Комитета, а не поправка к договору; оно исключает рассуждение, при котором наличие официального письма само по себе разрешает передачу вопреки установленной опасности. [2]

Гарантия имеет доказательственное и практическое значение: она может изменить предполагаемые условия содержания, доступ к адвокату или допустимые действия органов. Однако её содержание должно быть связано с компетенцией адресата обещания. Заявление министерства о желаемом судебном исходе отличается от обязательства прокуратуры не добиваться определённого наказания, а обязательство тюремного ведомства - от заявления о независимом решении суда. Нельзя оценивать эти документы как взаимозаменяемые только потому, что они исходят от одного государства.

Международные режимы также не полностью совпадают. ЕСПЧ применяет Конвенцию; Комитет ООН по правам человека рассматривает сообщения по Пакту; национальный суд действует в рамках собственного закона и применимых международных обязательств. В *Kim* Комитет придавал существенное значение качеству национальной оценки и проверял, была ли она явно произвольной, содержала ли явную ошибку или отказ в правосудии. Переносить этот подход без оговорок на процессуальные полномочия любого национального суда неправильно. [6]

Отдельно сохраняются иные препятствия экстрадиции. Даже убедительное обещание относительно условий содержания не устанавливает двойную наказуемость, не разрешает спор о политической цели запроса и не устраняет автоматически вопрос о справедливом разбирательстве. Практический анализ должен идти по каждому основанию. Иначе удовлетворительный ответ на наиболее заметную гуманитарную проблему создаёт ложное впечатление, что весь запрос проверен и выдача неизбежна.

4. Критерии Othman и их применение в новой практике

Критерии Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom относятся к решению 2012 года и используются здесь как предшествующая правовая основа. Их актуальное применение подтверждено прямым воспроизведением в пунктах 76-79 решения Chappell/Wright 2025 года. В центре находятся качество заверений и возможность положиться на них с учётом практики принимающего государства. Суду недостаточно установить, что обещание существует: необходимо оценить его практическое действие. [3]

Среди факторов - раскрытие текста суду, конкретность, статус и полномочия лица, давшего обещание, способность центральных органов обеспечить поведение местных властей, характер предполагаемого обращения и существующие механизмы защиты. Значение имеют двусторонние отношения и предшествующее соблюдение подобных обязательств, объективная проверяемость, доступ адвокатов, сотрудничество с наблюдателями и расследование сообщений о пытках. Учитываются также предыдущие случаи ненадлежащего обращения с самим заявителем и качество национального судебного рассмотрения. [3, п. 77]

Эти факторы не следует превращать в формальную анкету с автоматическим результатом. Указание названия места содержания может быть принципиальным там, где от него зависит доступ наблюдателей, но не заменяет сведения о реальных условиях. Сильные дипломатические отношения могут повышать убедительность обещания, однако не доказывают, что все ведомства получили необходимые инструкции. Подробная нота может оставлять критический пробел, если один этап содержания вообще не охвачен.

Важен и противоположный риск: чрезмерно подозрительное чтение каждого слова без учёта общего содержания. В Chappell/Wright апелляционный суд критиковал анализ, основанный на предположении, что любая языковая возможность непременно будет использована для обхода обещания. Суд счёл необходимым оценивать гарантии целиком и в контексте органов, которые их дают. Этот вывод относится к установленным обстоятельствам дела; он не вводит запрет на тщательную проверку текста или презумпцию надёжности любого иностранного государства. [3, п. 79-86]

Авторская рекомендация состоит в двух последовательных чтениях. Сначала гарантия проверяется как документ: адресат, объём, срок, исключения и охваченные стадии. Затем - как предполагаемая практика: кто выполнит обещание, как будут обнаружены нарушения и какие действия возможны после сигнала. Только соединение этих уровней позволяет отличить реальную защиту от подробного, но практически бесполезного текста.

5. Liu v. Poland: почему общие заверения не сработали

В деле Liu v. Poland, заявление № 37610/18, решение от 6 октября 2022 года, рассматривалась предполагаемая выдача в Китай лица, подозревавшегося в участии в крупной схеме телекоммуникационного мошенничества. Судебное решение вступило в силу 30 января 2023 года; использована версия с исправлением от 6 июня 2023 года. Для доклада принципиальны не оценка виновности и не характер ущерба, а то, как национальные органы исследовали риск обращения после передачи. [4]

В национальном производстве были получены сведения, что заявитель будет содержаться в Boluo Detention Centre и его права будут уважаться. Дополнительно упоминались посещения журналистами учреждения в Пекине в 2012 году и визит представителя Тайваня в другое место содержания. Такие сведения могли подтверждать отдельные прошлые события, но не доказывали доступ независимых лиц к конкретному заявителю в предполагаемом учреждении. Именно разрыв между общей иллюстрацией открытости и индивидуальной защитой стал существенным для анализа. [4, п. 9, 81]

ЕСПЧ признал неубедительным довод об общедоступности мест содержания. Упомянутый объект в Пекине находился более чем в двух тысячах километров от Boluo; сведения о фактических условиях в последнем отсутствовали в представленном материале. Суд указал, что были получены лишь неформальные декларации об уважении прав, а не такие дипломатические гарантии, практическую достаточность которых можно было бы оценить. Это не утверждение, что государство вообще никогда не использует мониторинг: вывод относится к доказательствам рассматриваемого дела. [4, п. 81-82]

В пунктах 83-84 Суд придал значительный вес согласующимся сообщениям о пытках и иных серьёзных нарушениях в местах лишения свободы. В установленных обстоятельствах он приравнивал масштаб достоверно описанного обращения к общей ситуации насилия, вследствие чего заявителю не требовалось показывать дополнительные личные причины опасения: было достаточно установленного будущего помещения под стражу. Итог сформулирован условно - выдача нарушила бы статью 3. Нельзя заменять его сообщением, что заявитель уже был выдан и подвергся пыткам. [4]

Из этого дела следует предметный урок: доказательство того, что кто-то когда-то посетил другое учреждение, не равно механизму доступа к данному лицу. Одновременно Liu нельзя превращать в бессрочный универсальный запрет всех экстрадиций в Китай, не исследуя последующие факты, обязательства и применимый режим. Сила решения состоит в конкретной оценке риска и недостаточности представленных заверений, а не в возможности отказаться от анализа любого нового запроса.

6. Kim: уточнение места содержания и частоты посещений

В Minister of Justice v. Kyung Yup Kim [2022] NZSC 44 от 13 апреля 2022 года Верховный суд Новой Зеландии рассматривал дополнительные гарантии, полученные после предыдущего этапа судебной проверки. В резолютивной части была удовлетворена апелляция государства, отменено решение апелляционного суда и восстановлено решение министра от 19 сентября 2016 года о передаче. Такой результат устанавливает национальную юридическую допустимость решения в рассмотренном объёме, но сам по себе не доказывает дату фактической экстрадиции или исполнение обещаний после неё. [5]

Суд исходил из того, что без гарантий риск пыток существовал. Проверка не строилась на отрицании проблем принимающей системы. Вопрос состоял в относительном индивидуальном риске, качестве обещаний и вероятности их соблюдения. Предыдущий анализ выявил две недостающие позиции: подтверждение, что заявитель будет судим и содержаться в Шанхае, включая отбывание наказания при осуждении, и прямое согласие на

посещения дипломатическими или консульскими представителями каждые 48 часов в период расследования, а также дополнительные посещения по запросу. [5, п. 19-25]

Место содержания было связано с реальными возможностями контроля: наблюдение предполагалось осуществлять сотрудниками новозеландского консульства в Шанхае. Внутренняя инструкция направляющего государства посещать человека регулярно не обеспечивала допуск со стороны принимающего. Поэтому требовалось внешнее подтверждение соответствующего права. Полученная нота закрепляла содержание и суд в Шанхае и допуск каждые 48 часов на следственном этапе с возможностью дополнительных посещений. Различие между планом наблюдателя и обязательством предоставить доступ здесь имеет самостоятельное значение. [5]

Суд также рассмотрел возражения против надёжности заверений, включая доводы о нарушениях международных обязательств и изменениях политической обстановки. Он принял во внимание мотивированную оценку министра иностранных дел относительно двусторонних отношений, заинтересованности в международном уголовном сотрудничестве и последствий несоблюдения обещаний. Эти соображения представлены как элементы судебной оценки по делу, а не как установленная ARGGA гарантия поведения государства в будущем. [5, п. 34-40]

Авторский вывод ограничен: конкретизация может устранить недостаток, если она меняет именно практические условия защиты. Число «48 часов» не является универсальным международным стандартом для всех экстрадируемых. Оно отвечало выявленному риску в определённой фазе этого производства. Переносить такую частоту на другое лицо без анализа медицинских обстоятельств, доступа наблюдателей и характера опасности столь же неправильно, как считать любое регулярное посещение достаточным независимо от интервала.

7. Kim в Комитете ООН: значение последующей проверки

Соображения Комитета ООН по правам человека по сообщению № 4170/2022, *Kim v. New Zealand*, приняты 26 октября 2023 года и опубликованы под обозначением CCPR/C/139/D/4170/2022. Это договорный орган, а не апелляционная судебная инстанция над Верховным судом Новой Зеландии. Комитет оценивал соблюдение Пакта, включая заявленный риск пыток и законность отдельных периодов содержания под стражей. Различие предметов необходимо сохранять при описании результата. [6]

В пунктах 8.3-8.4 Комитет подчеркнул необходимость личного реального риска и значение всех обстоятельств. Он не признал категорического запрета полагаться на дипломатические гарантии. Одновременно содержание обещаний, механизмы контроля и практические условия исполнения названы значимыми для оценки. Отсутствие мониторинга само по себе не автоматически устанавливает нарушение статьи 7: вывод должен учитывать всю ситуацию. Эту оговорку нельзя превращать в утверждение, что контроль обычно не нужен. [6]

Проверенный пакет включал существенно больше, чем обещание не применять пытки. Помимо содержания в Шанхае и посещений каждые 48 часов в период расследования,

описывались уведомление о месте нахождения и перемещениях, возможность связи с представителями, приватные встречи, участие специалистов, медицинская помощь, доступ к помещениям и сведениям, защита добросовестных информаторов от репрессий, предоставление записей допросов и механизм консультаций при споре. Доклад не воспроизводит каждую техническую деталь как универсальное требование; важно, что разные элементы отвечали разным каналам риска. [6, п. 8.7-8.8]

Комитет счёл, что национальные органы с должной тщательностью рассматривали аргументы заявителя, запрашивали дополнительные сведения и оценивали противоречащие материалы. По представленным данным нарушение статьи 7 установлено не было. При этом содержание с 12 сентября по 1 декабря 2014 года включительно признано произвольным вследствие отсутствия правового основания, что составило нарушение статьи 9(1). Представлять всё дело как безусловную победу государства или заявителя означало бы потерять существенную часть результата. [6, п. 8.12-8.14, 8.19-9]

Эта стадия усиливает значение процессуальной добросовестности, но не предоставляет эмпирического доказательства последующего благополучия человека. Комитет оценивал материалы о предполагаемой передаче и национальном рассмотрении. Для утверждений об исполнении в принимающем государстве потребовались бы отдельные документы. В исследовательской выборке данное рассмотрение помогает проверить устойчивость национальной аргументации, а не увеличивает статистическое количество случаев успешно выполненных гарантий.

8. Liu и Kim: сравнение без ложного противоречия

Оба дела связаны с предполагаемой передачей в Китай, но это не делает их контролируемым экспериментом с одинаковыми условиями. Различаются заявители, процессуальные истории, органы проверки, доступные документы и содержание обязательств. В Liu Суд рассматривал неформальные декларации и недостаток конкретных сведений о месте содержания. В Kim проверялся многоэлементный пакет, дополненный адресными обязательствами и организацией дипломатического доступа. Сравнение должно начинаться с этих различий, а не с названия принимающей страны. [4, 5, 6]

Первая ось сравнения - отношение к исходному риску. Принятие гарантий не обязательно означает отрицание серьёзных проблем. В Kim необходимость защиты рассматривалась именно потому, что риск без неё существовал. В Liu представленные общие сведения не позволили преодолеть вывод о реальной опасности. Поэтому корректный вопрос звучит не «признал ли суд страну безопасной», а «почему суд счёл либо не счёл доказанным устранение риска для этого человека».

Вторая ось - проверяемость. В Liu ссылка на прошлые посещения других учреждений не обеспечивала будущего доступа к заявителю. В Kim место содержания, частота контакта и полномочия представителей были связаны между собой. Из этого не следует, что достаточно скопировать соответствующий текст в новый запрос: наблюдатели должны иметь возможность реально выполнять свою роль, а обстоятельства человека могут потребовать иных мер. Качество механизма нельзя вывести только из числа пунктов ноты.

Третья ось - институциональный стандарт проверки. Комитет ООН в Kim уделял внимание качеству национального процесса и отсутствию явной произвольности, тогда как ЕСПЧ в Liu непосредственно оценивал риск в рамках Конвенции и представленный ему материал. Это не означает, что один орган разрешает пытки, а другой запрещает: абсолютный запрет сохраняется. Различается путь правовой и доказательственной оценки, который необходимо точно указать прежде, чем объявлять решения несовместимыми.

Общий авторский вывод скромнее категорических страновых формул: подробная индивидуальная конструкция и тщательное рассмотрение имеют юридическое значение, но их достаточность определяется в конкретном деле. Ни положительный, ни отрицательный исход не освобождает следующий суд от актуальной проверки. Для исследовательской работы полезнее сравнивать содержание обязательств и причины доверия, чем составлять списки «надёжных» и «ненадёжных» государств без сопоставимой доказательной базы.

9. Assange 2024: пределы ранее полученных обещаний

В *Assange v. Government of the United States of America* [2024] EWHC 700 (Admin) от 26 марта 2024 года рассматривалось возобновлённое ходатайство о разрешении на обжалование. Для настоящего доклада используется именно эта процессуальная стадия. Суд не постановил, что все возражения против выдачи обоснованны, и не признал любые американские гарантии недостаточными. Он разделил основания и указал вопросы, по которым дополнительные заверения могли изменить решение о допуске апелляции. [7]

Вопрос смертной казни показывает опасность вывода из «духа» обязательства. Существовавшее обещание касалось возможности перевода в Австралию для отбывания наказания при предусмотренных условиях. Суд согласился, что смертная казнь противоречила бы общей направленности такого обещания, но отметил отсутствие прямого запрета её назначения. В обсуждаемой законодательной конструкции имело значение не только исполнение смертного приговора, но и возможность его вынесения. Поэтому косвенное ожидание не заменяло требуемой защиты. [7, п. 230-235]

Пункт 237 перечислял возможные заверения относительно Первой поправки, отсутствия неблагоприятного положения в процессе и при назначении наказания вследствие гражданства, равной защиты с гражданами США и неназначения смертной казни. Эти элементы нельзя объединять в обещание «справедливого суда» без потери смысла. Возможность заявить аргумент, отсутствие дискриминации при его рассмотрении и гарантия конкретного результата - разные предметы обязательства. Доклад не реконструирует содержание поздней ноты по сообщениям сторон. [7]

В пунктах 239-241 суд отложил рассмотрение части оснований, установил сроки представления возможных гарантий и письменных позиций, а по другим основаниям отказал в разрешении на обжалование. Здесь важна обеспеченная возможность обсудить новый материал, а не только право государства его представить. Если уточнение способно изменить исход, защита должна понимать его содержание и иметь процессуальную возможность указать сохраняющийся пробел. Из решения не выводится универсальный срок для такой проверки в других странах.

Последующее завершение американского уголовного дела не следует представлять окончательным решением британского суда о недостаточности всех гарантий. Официальное сообщение Министерства юстиции США от 25 июня 2024 года описывает признание вины и назначение наказания в размере уже отбытого срока на заседании 26 июня по местному времени Сайпана. В докладе этот источник используется только для разграничения последующего согласованного исхода и мартовского решения об обжаловании. Полный содержательный майский приказ в проверенную базу не включён. [8]

10. Chappell и Wright 2025: почему важна версия гарантии

В *Government of Japan v. Chappell and Wright* [2025] EWHC 166 (Admin), решение от 29 января 2025 года, апелляционный суд рассматривал отказы в выдаче двух лиц по запросам Японии. Для анализа существенна последовательность обязательств: первоначальные заверения 2023 года, более подробные гарантии марта 2024 года и дополнительные положения октября 2024 года. Последние появились после решений нижестоящего суда. Поэтому итог апелляции нельзя описывать как простое одобрение неизменного документа, ранее признанного недостаточным. [3]

Проверка охватывала ограничения при допросах, применение средств сдерживания, медицинскую помощь, условия содержания, изоляцию, доступ адвокатов и мониторинг. Суд подчеркнул, что обещания должны читаться в совокупности. Например, ограничения применения средств сдерживания не сводились к пересказу японского закона: дополнительно было обещано использовать их только при определённых необходимых целях и не применять как способ допроса или наказания. Для апелляционного суда это имело индивидуальное защитное содержание. [3, п. 82-84]

При оценке продолжительности допросов учитывались ночной перерыв, отдых, перерывы в течение дня, видеозапись и возможность консультации с защитой. Суд не согласился с прочтением, которое исходило из максимально неблагоприятного использования любой оставшейся формулировки. Однако он не объявил достаточным само существование национальных правил. Вопрос заключался в том, изменяют ли адресные обещания практику, признанную нижестоящим судьёй проблемной. Эта связь между выявленным поведением и конкретным ограничением является центральной. [3, п. 85-88]

Дополнительные гарантии от 25 октября 2024 года прямо распространяли видеозапись на первоначальный этап объяснений и любые иные вопросы в первые 72 часа после ареста. Предусматривались информирование о праве молчать, отсутствие неблагоприятных выводов из его использования в суде и возможность сохранять молчание до первой приватной консультации с адвокатом. Значение дополнения состояло в закрытии раннего временного промежутка, а не в увеличении общего объёма дипломатического документа. [3, текст дополнительных гарантий]

В пункте 129 суд удовлетворил апелляцию, в том числе признав гарантии практически достаточными против реального риска обращения по статье 3 и вопиющего отказа в правосудии по статье 6. Отдельно были рассмотрены статьи 4 и 5. Официальная карточка Верховного суда подтверждает отказ 5 июня 2025 года в разрешении обжалования поставленного вопроса о труде заключённых по статье 4. Это не самостоятельное полное

рассмотрение Верховным судом каждого элемента гарантий. Фактическую передачу и дальнейшее соблюдение обещаний доклад по этим документам не устанавливает. [3, 9]

11. Мониторинг: доступ, содержание и возможность реагирования

Мониторинг имеет смысл, если позволяет получить информацию о том риске, ради которого обещание было дано. Посещение помещения, встреча с администрацией и конфиденциальный разговор с заключённым - разные действия. Показательное посещение учреждения может ничего не сообщать о ночных допросах или психологическом давлении. Поэтому общий пункт «доступ будет обеспечен» следует раскрывать через конкретные права и организационные возможности. Этот вывод основан на сравнении Liu, Kim и Chappell/Wright, а не на эмпирической оценке всех существующих программ. [3, 4, 5, 6]

В Kim контроль был связан с местом нахождения консульства, регулярностью посещений, приватностью общения и доступом к дополнительным сведениям. В Chappell/Wright суд оценивал участие британских должностных лиц, которые могли посещать лиц и обсуждать условия с компетентными органами, а также доступ защиты. Информация о visiting committees рассматривалась как дополнительное подтверждение; суд специально отметил, что его решение не зависело от существования этих комитетов. Это препятствует упрощённому выводу, что наличие любого наблюдательного органа само по себе было решающим. [6, п. 8.7-8.8; 3, п. 96-97]

Авторская модель проверки включает пять вопросов. Может ли наблюдатель своевременно узнать место содержания? Может ли попасть к человеку в нужный период? Получит ли сведения без контроля со стороны потенциального нарушителя? Способен ли сопоставить сообщение с документами и медицинскими данными? Кому направляется сигнал и какие действия возможны? Эта последовательность не является обязательным международным протоколом, но помогает выявить разрыв между формальным правом посещения и реальной способностью обнаружить опасность.

Необходимо учитывать скрытые формы причинения вреда и риск репрессий за сообщение. Отсутствие видимых повреждений не подтверждает отсутствие давления. Обещание приватного разговора утрачивает часть значения, если человек обоснованно опасается последствий после ухода наблюдателя. При индивидуальной проверке следует выяснять, охватывает ли гарантия защиту информирования, медицинский осмотр и независимое документирование. При этом нельзя заявлять, что наличие каждого из этих пунктов обязательно в любом деле независимо от обстоятельств.

Наконец, механизм консультаций не равнозначен полномочию немедленно освободить человека или вернуть его в передавшее государство. Если такой результат прямо не предусмотрен и не подтверждён применимым правом, обещать его нельзя. Практическая ценность реакции оценивается с учётом характера и срочности риска. Для необратимого вреда позднее дипломатическое объяснение не является полноценной заменой превентивной защите, поэтому анализ возможностей реагирования должен проводиться до передачи.

12. Разные риски требуют разных обязательств

Гарантия против смертной казни имеет иной предмет, чем обещание надлежащих условий содержания. В первом случае существенны возможные обвинения, полномочия прокуратуры, назначение и исполнение наказания, пределы изменения обвинения. Во втором - режим фактического обращения, исполнители, места и стадии содержания. Удовлетворительный ответ на один вопрос не закрывает другой. Assange показывает, почему обещание перевода для отбывания наказания не всегда заменяет прямое обязательство относительно смертной казни. [7]

При пожизненном лишении свободы также недопустима автоматическая формула. Официальное руководство ЕСПЧ, обновлённое 28 февраля 2026 года, описывает двухступенчатый подход Sanchez-Sanchez: сначала устанавливается реальный риск пожизненного срока без возможности условного освобождения, затем, если этот риск показан, исследуется механизм пересмотра с учётом изменения личности и реабилитации. Здесь используется официальный обзор, а не заявляется полная самостоятельная проверка всего решения. Из возможности максимального наказания нельзя без дополнительного анализа вывести неизбежность его назначения. [10, п. 85]

Процессуальные гарантии требуют отдельного внимания к компетенции. Обещание допустить адвоката до допроса может быть адресовано следственным органам; решение о допустимости доказательства принимает суд в рамках своего права. Если исполнительная власть утверждает, что обеспечит определённый судебный результат, необходимо выяснить юридический механизм, а не принимать заявление за самодостаточное. Одновременно нельзя требовать от государства отменить независимость суда ради доказательства надёжности гарантии: задача состоит в установлении реальной процедуры защиты.

Медицинская составляющая должна отвечать установленной потребности. Общее обещание лечения может быть достаточно определённым в одном контексте и не разрешать индивидуальный вопрос в другом. Существенны документированное состояние, требуемая помощь, непрерывность терапии, доступ специалистов и возможность экстренного вмешательства. Настоящий доклад не определяет медицинский риск конкретного лица и не устанавливает стандарты лечения; он показывает, какие вопросы нельзя скрывать за общей формулировкой «медицинская помощь предоставляется».

Также следует различать предусмотренное законом ограничение и незаконную практику. Обещание соблюдать закон может мало менять ситуацию, если именно закон допускает опасное обращение. Если же проблема в нарушении существующего запрета, проверка смещается к контролю фактического исполнения. Судебные критерии учитывают это различие. Для составителя обращения оно означает необходимость точно назвать источник риска: норму, устойчивую практику, индивидуальную угрозу либо сочетание нескольких факторов. [3, п. 77, 81]

13. Поздние уточнения и процессуальные гарантии защиты

Дополнительные заверения могут поступать после первого решения, на стадии апелляции или после запроса суда. Сам по себе поздний момент не доказывает их недопустимость. В Assange мартовское решение допускает рассмотрение предложенных гарантий и отводит сторонам время на позиции; в Chappell/Wright существенное значение имели обязательства, полученные уже в апелляционном процессе. Но из этой практики нельзя вывести право государства бесконечно заменять документы без реальной возможности возражения. [3, 7]

Содержательная проверка начинается с установления версии. Нужно различать первоначальный текст, уточнение, дополнение и документ, который полностью заменяет прежний. Если новое обещание касается только одного вопроса, остальные положения прежней ноты могут сохраняться; если текст противоречив, требуется объяснение. Нельзя цитировать недостаток старой версии как сохраняющийся после его прямого устранения. Нельзя и считать проблему разрешённой только потому, что появился документ с новой датой.

Защите необходим доступ к тому содержанию, на которое суд намерен опереться. Иначе невозможно проверить условия, исключения и круг исполнителей. В конкретной юрисдикции порядок раскрытия и обращения с конфиденциальными материалами может различаться; доклад не утверждает безусловного права публиковать всю дипломатическую переписку. Различаются доступ суда, доступ сторон и публичность. Ограничение публикации не должно ошибочно описываться как отсутствие документа у органа, который его оценивал.

Если новый текст устраняет часть рисков, возражения следует обновить. Сохранение уже опровергнутого довода ослабляет доверие к остальной аргументации. Полезно сформировать краткое сопоставление: прежний пробел, новый пункт, остающееся фактическое условие. Например, прямой допуск наблюдателей устраняет недостаток полномочий, но может оставить вопрос о доступности специалистов или срочном контакте. Это аналитическая рекомендация, а не универсальная форма процессуального документа.

Итог должен соответствовать стадии. Разрешение обжалования означает наличие вопроса, заслуживающего дальнейшего рассмотрения; отмена отказа в выдаче не всегда означает немедленную передачу; восстановление решения министра не подтверждает исполнение. Для публичного доклада и общения с клиентом точность этих различий принципиальна. Иначе успех на промежуточном этапе превращается в обещание окончательного результата, которого судебный акт не содержит.

14. Исполнение после передачи и пределы доступных данных

Оценка до передачи является прогнозной, а последующее исполнение - отдельным предметом исследования. Судебное решение может убедительно объяснять, почему гарантия заслуживает доверия, но не сообщать, состоялась ли выдача, были ли посещения и возникали ли жалобы. Отсутствие публичного сообщения о нарушении также не доказывает соблюдения: часть мониторинга может быть непубличной, а возможность сообщить о проблеме - ограниченной. Обратное утверждение, будто непубличность доказывает нарушение, столь же необоснованно.

Для исследования исполнения потребовались бы документы о дате передачи, месте содержания, фактических контактах, медицинском наблюдении и реакции на сообщения. Следует различать отчёт наблюдателя, позицию администрации, сообщение представителя и судебное установление. В настоящем докладе такой сопоставимый массив не собран. Поэтому формулировки «гарантии сработали» или «гарантии были нарушены» не используются как обобщённый эмпирический итог по рассмотренной выборке.

Содержание гарантии может помочь определить, какие доказательства должны существовать. Если обещаны регулярные посещения, логично проверять подтверждение их проведения; если видеозапись - её наличие и доступность в предусмотренном объёме; если уведомление о перемещении - соответствующую коммуникацию. Но отсутствие конкретного документа у исследователя не всегда означает, что он не создан. Необходимо обозначить границу доступа и при возможности запросить уточнение у компетентного адресата, соблюдая конфиденциальность.

Реакция на предполагаемое нарушение зависит от текста обязательства, национального права и доступных международных механизмов. Возможны обращения к наблюдателям, дипломатическим органам, адвокату, компетентным судам или договорным органам при соблюдении их условий. Здесь не утверждается автоматическая экстерриториальная юрисдикция передавшего государства, безусловное право на обратную передачу или универсальный срок реагирования. Такие вопросы требуют самостоятельного анализа, а не выводятся из моральной значимости обещания.

Для ARGА перспективным исследовательским направлением может стать документированное наблюдение за исполнением с согласованной методологией и защитой персональных данных. Это предложение, а не описание действующей программы. Публикация медицинских сведений, закрытых деталей доступа или информации о третьих лицах должна иметь самостоятельное основание. Полезный мониторинг не требует раскрывать весь клиентский материал: важно обеспечить проверяемость выводов при минимально необходимом объёме публичных данных.

15. Материалы 2026 года и границы актуальности

Тема гарантий сохраняется в официальной повестке международного уголовного сотрудничества. В перечне решений 89-го заседания РС-ОС от 19-21 мая 2026 года отмечены практические вопросы сотрудничества с государствами вне Совета Европы, где сохраняется смертная казнь, и обращения к дипломатическим гарантиям там, где это возможно. Документ РС-ОС(2026)04 датирован 21 мая 2026 года. Он подтверждает институциональную актуальность вопроса, но не вводит новый обязательный тест и не разрешает конкретную экстредицию. [11]

Официальное руководство ЕСПЧ по иммиграции с обновлением от 28 февраля 2026 года сохраняет раздел о гарантиях и отражает развитие практики. Его назначение - систематизировать судебные подходы. Оно не заменяет решение по индивидуальному делу и не позволяет приписывать всем государствам одинаковую практику. В настоящем исследовании руководство используется в ограниченном объёме, а основные сравнительные выводы основаны на непосредственно проверенных судебных материалах. [10]

Название «2022-2026» не означает, что найдено и изучено каждое решение, вынесенное до конца 2026 года. Дата среза - 23 сентября; последующие события не охватываются. Включённые национальные и международные решения относятся к 2022, 2023, 2024 и 2025 годам; документы 2026 года выполняют иную функцию. Доклад не заполняет временной пробел неподтверждённым делом только ради симметрии по годам. Такая прозрачность важнее формальной видимости полного ежегодного покрытия.

Есть и предметные ограничения. Режим Европейского ордера на арест, особые договорные оговорки отдельных стран и практика по передаче в порядке миграционного удаления не исследованы исчерпывающе. Общий запрет ненадлежащего обращения может пересекаться между процедурами, но основания, полномочия и средства защиты различаются. Нельзя переносить вывод о конкретной экстрадиционной гарантии на любую процедуру удаления без проверки соответствующего режима.

Перед использованием доклада в индивидуальном производстве нужно обновить прежде всего те обстоятельства, от которых зависит прогноз: действительность обещания, компетенцию органов, место содержания, возможность доступа, медицинское состояние и актуальные сведения о практике. Даже юридически сохраняющий значение прецедент не устанавливает эти факты на новую дату. Рекомендация об обновлении не означает, что все старые гарантии автоматически утрачивают силу; вопрос требует конкретного подтверждения.

16. Контраргументы и альтернативные объяснения

Первый контраргумент против критической оценки гарантий - необходимость эффективного преследования тяжких преступлений. Он имеет законное значение для международного сотрудничества, но не разрешает передачу при сохраняющемся реальном риске пыток. Правильная последовательность состоит в проверке, устранён ли риск, а не в сравнении его тяжести с обвинением. Одновременно отказ от автоматического недоверия к любому обещанию не является уступкой запрету: надлежащая гарантия может изменить фактические условия, на которых основан прогноз.

Второй контраргумент - отсутствие частноправового иска о принудительном исполнении ноты. Само по себе это не доказывает бесполезность обязательства: суды оценивают практическое и правовое действие в совокупности, включая дипломатические стимулы и контроль. Однако из межгосударственной формы нельзя выводиться наличие конкретного средства защиты, которого право не предусматривает. Исследователь должен отдельно описать основания доверия и реальные возможности реагирования, не подменяя одно другим. [3, 5]

Третий контраргумент касается чрезмерной детализации. Документ не обязан заранее описывать каждую бытовую ситуацию, а неопределённость языка не всегда означает реальный риск. Chappell/Wright показывает необходимость разумного чтения всего пакета. Вместе с тем детали становятся существенными, когда именно в них находится выявленный канал опасности: первоначальный допрос, доступ до первого контакта, перемещение в другое учреждение. Требуется объяснить значение пробела, а не просто насчитать неопределённые слова.

Четвёртый контраргумент - различие индивидуального и общего риска. Нельзя считать любой страновой отчёт достаточным доказательством личной опасности; нельзя и игнорировать системный материал только потому, что он не называет заявителя. Liu и Kim демонстрируют разные способы оценки этой связи. Автор не выводит из них универсальное правило об обязательности дополнительного личного доказательства при любой ситуации и не освобождает заявителя от обоснования там, где такое доказательство требуется. [4, 5, 6]

Пятый контраргумент - выборочная подборка. Рассмотрены известные и доступные дела, что создаёт риск смещения: опубликованные решения могут не отражать обычную практику. По этой причине доклад не утверждает рост доверия к гарантиям, ужесточение общего стандарта или количественное преимущество одного исхода. Его результат - аналитическая система вопросов, подтверждённая конкретными примерами. Для выводов о тенденции понадобились бы правила поиска, полный массив сопоставимых дел и прозрачная кодировка результатов.

17. Практическая модель проверки и рекомендации

Для работы с конкретной гарантией предлагается сначала сформулировать риск одним проверяемым утверждением. Например: в определённой фазе человек может оказаться без доступа к адвокату; необходимая помощь не подтверждена; обещание не распространяется на возможное дополнительное обвинение. Формулировка должна опираться на материалы дела и применимый стандарт. Общие выражения об опасности государства не заменяют объяснения того, как риск возникает в предполагаемой процедуре.

Затем следует установить, какое обязательство отвечает на этот риск. В рабочей записи указываются текст и дата гарантии, орган, адресат, охваченные действия, стадии и исключения. Отдельно проверяется, кто будет исполнять обещание фактически. Министерская подпись не объясняет автоматически поведение местного учреждения; национальное правило не подтверждает его применение к конкретному лицу. Если требуется дополнительное обязательство, запрос должен объяснять, какой пробел оно устраняет, а не просто требовать более сильных формулировок.

Третий шаг - проверить контроль и реакцию. Полезно разделить доступ наблюдателя, получение информации, её независимую оценку и действие после сигнала. Если механизм опирается на консульство, выясняются географическая доступность и необходимые договорённости; если на адвоката - возможность контакта и использования сведений в процедуре. Ни один участник не должен описываться как наделённый полномочиями, которых документ или закон не подтверждает. Это особенно относится к обещанию освобождения или возврата.

Четвёртый шаг - провести проверку сильнейшего контраргумента. Если государство представило новую версию, нужно признать реально устранённые недостатки. Если наблюдение надёжно организовано, следует объяснить, почему конкретный риск всё же сохраняется. Если риск основан на общем материале, требуется показать его связь с положением человека. Убедительная защита строится на точности, а не на сохранении максимального количества обвинительных предположений после их опровержения.

Для органов, оценивающих выдачу, авторская рекомендация - мотивировать связь между установленной опасностью и каждой принятой мерой, указывать оценённую версию документа и рассматривать существенные возражения. Для исследовательских организаций - отделять судебную достаточность от исполнения и не выдавать неполную выборку за статистику. Для ARGА эти положения предлагаются как стандарт подготовки аналитики и проверки материалов; они не заявляются уже реализованной программой мониторинга или доказанной практикой успешного предотвращения выдачи.

18. Заключение

Проверенная практика не поддерживает ни автоматического доверия к дипломатическим гарантиям, ни автоматического вывода об их бесполезности. Решающее значение имеет способность конкретного обязательства изменить прогноз обращения с человеком. Там, где государство ограничивается общей декларацией, не подтверждает доступ к нужному учреждению или оставляет без ответа существенный этап риска, официальная форма не устраняет проблему. Там, где обещание конкретизировано и связано с реальной организацией исполнения, суд может придать ему решающее значение.

Liú показывает недостаточность неформальных заверений при установленном риске; Kim - значение адресных дополнений и практической схемы наблюдения; его рассмотрение Комитетом ООН - самостоятельность международной проверки и разных требований по Пакту. Assange демонстрирует необходимость точного предмета обещания и различения процессуальных стадий. Chappell/Wright подчёркивает роль изменяющегося текста, совокупного чтения гарантий и закрытия конкретных временных пробелов. Эти выводы остаются привязанными к рассмотренным материалам. [3, 4, 5, 6, 7]

Наиболее устойчивый подход соединяет правовую квалификацию риска, проверку компетенции, анализ содержания и оценку практического контроля. Ни один элемент не заменяет остальные. Абсолютный запрет пыток сохраняется; гарантия может влиять на установление риска, но не создавать исключение из запрета. Неустранённая опасность не становится допустимой вследствие тяжести обвинения или заинтересованности в сотрудничестве.

Доклад предоставляет систему для предметного анализа, а не прогноз исхода любого будущего дела. Его основные ограничения - целевая выборка, различие юрисдикций и отсутствие сопоставимой проверки исполнения после передачи. Дальнейшее исследование должно расширять первичную базу и документировать реализацию обязательств. До этого количественные утверждения и заявления о результативности ARGА были бы сильнее имеющихся доказательств и в настоящий текст не включены.

19. Источники и справочный аппарат

[1] Совет Европы. Европейская конвенция о правах человека и протоколы. Официальный текст, статья 3; положения об отмене смертной казни приведены в издании. Дата обращения: 23.09.2026.

https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng

[2] Комитет ООН против пыток. Замечание общего порядка № 4 (2017), CAT/C/GC/4. Принято 06.12.2017; документ от 04.09.2018. Пункты 5, 8–13, 19–20, 27, 35–39. Статья 3 Конвенции против пыток проверена в прямом воспроизведении в этом официальном документе.

ОНЧР — CAT/C/GC/4

[3] High Court of Justice. Government of Japan v Chappell and Wright [2025] EWHC 166 (Admin), 29.01.2025. Пункты 76–98, 129; включённые в судебный документ гарантии от 13.03.2024 и 25.10.2024. Критерии Othman (2012) проверены в прямом воспроизведении в пункте 77; самостоятельный полный разбор Othman не заявляется.

<https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/ewhc/admin/2025/166/data.pdf>

[4] ЕСПЧ. Liu v. Poland, № 37610/18, 06.10.2022. Окончательное 30.01.2023; версия с исправлением от 06.06.2023. HUDOC 001-219786. Обстоятельства; пункты 81–84 о неформальных заверениях и реальном риске.

<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-219786>

[5] Supreme Court of New Zealand. Minister of Justice v Kyung Yup Kim [2022] NZSC 44, 13.04.2022. Резолютивная часть; пункты 19–26, 34–40. Дополнительные гарантии и восстановление решения министра.

<https://www.courtsofnz.govt.nz/assets/cases/2022/2022-NZSC-44.pdf>

[6] Комитет ООН по правам человека. Kim v. New Zealand, сообщение № 4170/2022, CCPR/C/139/D/4170/2022. Соображения приняты 26.10.2023. Пункты 8.2–8.14, 8.19–9; отсутствие нарушения статьи 7 и отдельное нарушение статьи 9(1) Пакта.

ОНЧР — CCPR/C/139/D/4170/2022

[7] High Court of Justice. Assange v Government of the United States of America [2024] EWHC 700 (Admin), 26.03.2024. Пункты 230–241. Стадия разрешения на обжалование; пределы существовавших гарантий и возможность дополнения.

<https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2024/03/Assange-v-USA-Judgment.pdf>

[8] U.S. Department of Justice. WikiLeaks Founder Pleads Guilty and Is Sentenced for Conspiring to Obtain and Disclose Classified National Defense Information. Сообщение от 25.06.2024; заседание 26.06.2024 по местному времени Сайпана. Использовано только для процессуального исхода, не для оценки всех экстрадиционных доводов.

U.S. Department of Justice — сообщение от 25 июня 2024 года

[9] UK Supreme Court. Government of Japan v Chappell, UKSC/2025/0038. Официальная карточка: отказ в разрешении обжалования 05.06.2025; вопрос статьи 4 ЕКПЧ о труде заключённых. Обновлено 09.06.2025.

<https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2025-0038>

[10] ЕСПЧ. Guide on case-law of the Convention — Immigration. Обновление 28.02.2026. Пункты 85, 87; официальный обзор, не самостоятельное решение. Использование Sanchez-Sanchez ограничено изложением двухступенчатого подхода в руководстве.

https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_immigration_eng

[11] Совет Европы, PC-OC. List of decisions taken at the 89th meeting, 19–21.05.2026. PC-OC(2026)04 от 21.05.2026, с. 6: сотрудничество с государствами вне Совета Европы, смертная казнь и гарантии.

Институциональный контекст, не новый обязательный стандарт.

<https://rm.coe.int/pc-oc-2026-04-list-of-decisions-89th-pcoc-meeting/48802bdbe5>